

МАЛЕНЬКИЙ СОЛДАТ

Недалеко от линии фронта, внутри уцелевшего вокзала, сладко храпели уснувшие на полу красноармейцы; счастье отдыха было запечатлено на их усталых лицах.

На втором пути тихо шипел котёл горячего дежурного паровоза, будто пел однообразный, успокаивающий голос из давно покинутого дома. Но в одном углу вокзального помещения, где горела керосиновая лампа, люди изредка шептали друг другу уговаривающие слова, а затем и они впали в безмолвие.

Там стояли два майора, похожие один на другого не внешними признаками, но общей добротой морщинистых загорелых лиц; каждый из них держал руку мальчика в своей руке, а ребёнок умоляюще смотрел на командиров. Руку одного майора ребёнок не отпускал от себя, прильнув затем к ней лицом, а от руки другого осторожно старался освободиться. На вид ребёнку было лет десять, а одет он был как бывалый боец — в серую шинель, обношенную и прижавшуюся к его телу, в пилотку и в сапоги, пошитые, видно, по мерке, на детскую ногу. Его маленькое лицо, худое, обветренное, но не истощённое,

приспособленное и уже привычное к жизни, обращено теперь было к одному майору; светлые глаза ребёнка ясно обнажали его грусть, словно они были живою поверхностью его сердца; он тосковал, что разлучается с отцом или старшим другом, которым, должно быть, доводился ему майор.

Второй майор привлекал ребёнка за руку к себе и ласкал его, утешая, но мальчик, не отымая своей руки, оставался к нему равнодушным. Первый майор тоже был опечален, и он шептал ребёнку, что скоро возьмёт его к себе и они снова встретятся для неразлучной жизни, а сейчас они расстанутся на недолгое время. Мальчик верил ему, однако и сама правда не могла утешить его сердца, привязанного лишь к одному человеку и желавшего быть с ним постоянно и вблизи, а не вдалеке. Ребёнок знал уже, что такое даль расстояния во время войны, — людям оттуда трудно вернуться друг к другу, — поэтому он не хотел разлуки, а сердце его не могло быть в одиночестве, оно боялось, что, оставшись одно, умрёт. И в последней своей просьбе и надежде мальчик смотрел на майора, который должен оставить его с чужим человеком.

— Ну, Серёжа, прощай пока, — сказал тот майор, которого любил ребёнок. — Ты особо-то воевать не старайся, подрастёшь — тогда будешь. Не лезь на немца и береги себя, чтоб я тебя живым, целым нашёл. Ну чего ты, чего ты, — держись, солдат!

Серёжа заплакал. Майор поднял его к себе на руки и поцеловал в лицо несколько раз. Потом майор

пошёл с ребёнком к выходу, и второй майор тоже последовал за ними, поручив мне сторожить оставленные вещи.

Вернулся ребёнок на руках другого майора; он чуждо и робко глядел на командира, хотя этот майор уговаривал его нежными словами и привлекал к себе как умел.

Майор, заменивший ушедшего, долго увещевал умолкшего ребёнка, но тот, верный одному чувству и одному человеку, оставался отчуждённым.

Невдалеке от станции начали бить зенитки. Мальчик вслушался в их гулкие мёртвые звуки, и во взоре его появился возбуждённый интерес.

— Их разведчик идёт! — сказал он тихо, будто самому себе. — Высоко идёт, и зенитки его не возьмут, туда надо истребителя послать.

– Пошлют, – сказал майор. – Там у нас смотрят. Нужный нам поезд ожидался лишь назавтра, и мы все трое пошли на ночлег в общежитие. Там майор покормил ребёнка из своего тяжело нагруженного мешка. «Как он мне надоел за войну, этот мешок, – сказал майор, – и как я ему благодарен!»

Мальчик уснул после еды, и майор Бахичев рассказал мне про его судьбу.

Сергей Лабков был сыном полковника и военного врача. Отец и мать его служили в одном полку, поэтому и своего единственного сына они взяли к себе, чтобы он жил при них и рос в армии. Серёже шёл теперь десятый год; он близко принимал к сердцу войну и дело отца и уже начал понимать по-настоящему,

для чего нужна война. И вот однажды он услышал, как отец говорил в блиндаже с одним офицером и заботился о том, что немцы при отходе обязательно взорвут боезапас его полка. Полк до этого вышел из немецкого охвата, — ну, с поспешностью, конечно, — и оставил у немцев свой склад с боезапасом, а теперь полк должен был пойти вперёд и вернуть утраченную землю и своё добро на ней, и боезапас тоже, в котором была нужда. «Они уж и провод в наш склад, наверно, подвели — ведают, что отойти придётся», — сказал тогда полковник, отец Серёжи. Сергей вслушался и сообразил, о чём заботился отец. Мальчику было известно расположение полка до отступления, и вот он, маленький, худой, хитрый, прополз ночью до нашего склада, перерезал взрывной замыкающий провод и оставался там целые сутки, сторожа, чтобы немцы не исправили повреждения, а если исправят, то чтобы опять перерезать провод. Потом полковник выбил оттуда немцев, и весь склад целым перешёл в его владение.

Вскоре этот мальчуган пробрался подальше в тыл противника; там он узнал по признакам, где командный пункт полка или батальона, обошёл поодаль вокруг трёх батарей, запомнил всё точно — память же ничем не порченная, — а вернувшись домой, указал отцу по карте, как оно есть и где находится. Отец подумал, отдал сына ординарцу для неотлучного наблюдения за ним и открыл огонь по этим пунктам. Всё вышло правильно, сын дал ему верные засечки. Он же маленький, этот Серёжа, неприятель

его за суслика в траве принимал: пусть, дескать, шевелится. А Серёжка, наверное, и травы не шевелил, без вдоха шёл.

Ординарца мальчишка тоже обманул или, так сказать, совратил: раз он повёл его куда-то, и вдвоём они убили немца, — неизвестно, кто из них, — а позицию нашёл Сергей.

Так он и жил в полку, при отце с матерью и с бойцами. Мать, видя такого сына, не могла больше терпеть его неудобного положения и решила отправить его в тыл. Но Сергей уже не мог уйти из армии, характер его втянулся в войну. И он говорил тому майору, заместителю отца, Савельеву, который вот ушёл, что в тыл он не пойдёт, а лучше скроется в плен к немцам, узнает у них всё, что надо, и снова вернётся в часть к отцу, когда мать по нём соскучится. И он бы сделал, пожалуй, так, потому что у него воинский характер.

А потом случилось горе, и в тыл мальчишку некогда стало отправлять. Отца его, полковника, серьёзно поранило, хоть и бой-то, говорят, был слабый, и он умер через два дня в полевом госпитале. Мать тоже захворала, затомилась, она была раньше ещё поувечена двумя осколочными ранениями, одно в полость, и через месяц после мужа тоже скончалась; может, она ещё по мужу скучала... Остался Сергей сиротой.

Командование полком принял майор Савельев, он взял к себе мальчика и стал ему вместо отца и матери, вместо родных всем человеком. Мальчик ответил Володе тоже всем сердцем.

— А я-то не из их части, я из другой. Но Володю Савельева я знаю ещё по давности. И вот встретились мы тут с ним в штабе фронта. Володю на курсы усовершенствования посылали, а я по другому делу там находился, а теперь обратно к себе в часть еду. Володя Савельев велел мне побережь мальчишку, пока он обратно не прибудет... Да и когда ещё Володя вернётся и куда его направят! Ну, это там видно будет...

Майор Бахичев задремал и уснул. Серёжа Лабков всхрапывал во сне, как взрослый, поживший человек, и лицо его, отошедши теперь от горести и воспоминаний, стало спокойным и невинно-счастливым, являя образ святого детства, откуда увела его война.

Я тоже уснул, пользуясь ненужным временем, чтобы оно не проходило зря.

